

© 2004 г. В.В. ЛЕВИЦКИЙ

АНОМАЛЬНЫЙ АБЛАУТ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ*

1. Понятие "чередование звуков"

В одном из словарей лингвистических терминов чередование определяется как "факт различия звуков в одном и том же месте в одной и той же морфеме" [Ахманова 1966: 513]. Это, казалось бы, простое и исчерпывающее определение на практике оказывается не всегда пригодным. Так, в случае *рука – ручей* [к] и [ч] со всей очевидностью не вступают в чередование, так как *рук-* и *руч-* являются вариантами различных корней. Точно так же со всей очевидностью [к] и [ч] вступают в чередование в *рука – рученька*, так как *рук-* и *руч-* являются в данном случае альтернантами одной и той же морфемы. Наконец, в случае *рука – ручка* морфологическая связь между обоими словами становится не столь очевидной (по крайней мере, для "наивного" носителя русского языка), если под словом *ручка* понимать не только уменьшительную форму слова *рука*, но и "то, за что берут рукой" (ручка двери) или "приспособление для писания" (шариковая ручка).

Таким образом, мена определенных звуков в корне слова может рассматриваться как чередование этих звуков, если они относятся к вариантам одной и той же морфемы, а идентификация двух морфем как вариантов одного корня основана, в свою очередь, на семантическом критерии: если значения двух морфологических элементов связаны общим семантическим компонентом (*рука – рученька*), то мы имеем дело с единым корнем; если такого общего компонента нет, то налицо различные корни (*рука – ручей*). Дополнительными средствами идентификации двух морфологических элементов как вариантов единого корня может служить диахронический или сравнительно-исторический анализ. Отсутствующее семантическое звено может быть засвидетельствовано либо на более ранних этапах развития языка, либо в других родственных языках. Так, отсутствующая в современном немецком языке связь между *heben* "поднимать" и *Hefe* "дрожжи" легко восстанавливается на материале древневерхненемецкого языка, где современной форме *heben* соответствует форма *heffen*; это дает основание идентифицировать немецкие морфемы *heb-* и *hef-* как альтернанты единого корня.

Однако ситуация меняется коренным образом, когда мы имеем дело не с фактами реально существующего или существовавшего (мертвого) языка, а с реконструированными морфемами, каковыми являются и.-е. корни. Здесь единственным основанием для отождествления формально сходных корней является семантический критерий.

Таким образом, под чередованием звуков в конечном итоге следует понимать мена гласных или согласных, находящихся в одной и той же позиции в морфемах с близким или тождественным значением. Еще одним немаловажным признаком подлинного чередования (это касается, прежде всего, согласных) является наличие не-

* Мы уже касались понятия "аномальный аблаут" в некоторых работах, посвященных семантическому синкретизму и семантической типологии (см., например [Левицкий 2001: 100; 2003: 38]). В данной статье проблема аномального аблаута рассматривается более детально.

которого общего фонетического компонента в чередующихся звуках, так как исторически чередования согласных в и.-е. языках возникали в результате изменения ("расщепления") одного и того же звука (например, в результате аккомодации или ассимиляции). Так, германское чередование *ð/f* (нем. *b/f*) могло возникнуть как следствие "расщепления" и.-е. *p* ("закон Вернера"), а чередование *к – ч, к – ц* и т.п. в славянских языках – как результат взаимодействия гласных и согласных.

2. Варианты и.-е. корня и его расширители

В и.-е. языке-основе двухсложные морфемы типа **genə-* могли преобразовываться в корни типа **gnē-*, которые, в свою очередь, в результате чередования гласных по аблауту могли выступать в виде вариантов *gnē-/gnā-/gnō-/gno-* и т.п. Корни типа **bhā-* "сиять" могли давать дериваты *bhel-*, *bher-*, которые, далее, порождали корни **bhlei-*, *bhleg-*, *bhleig-* и т.п. Аналогично: *sek-* > *skei-*, *sker-* > *skrei-*. В результате такого рода процессов возникали различные варианты и.-е. корня.

Хотя трансформации типа *genə-* > *gnē-* основаны на четко сформулированных в компаративистике фонетических правилах, реконструкция двухсложных морфем зиждется на общепризнанных сопоставлениях форм слова (в рамках единой грамматической парадигмы) или различных слов – не обязательно с тождественным значением. Очевидно, что такие сопоставления осуществляются на основе сходства фонетических и семантических признаков сравниваемых лексических элементов, так что в конечном итоге – это важно подчеркнуть – формальные, на первый взгляд, процедуры отождествления и реконструкции и.-е. корней основаны на неформальных семантических критериях. Это было понятно уже тем исследователям, которые стояли у истоков теории и.-е. корня. Так, П. Перссон пишет: "существуют, кроме того, сотни таких случаев, где допущение этимологического родства между краткими и удлинненными¹ формами корня трудно доказуемо" [Persson 1912: 557]².

Как видно из изложенного, каждый из альтернантов и.-е. корня, возникших в результате трансформации двухсложных морфем, чередования гласных, отпадения/присоединения подвижного *s* и других процессов, мог расширяться с помощью различных формативов ("определителей"). В качестве такого рода расширителей выступали, как известно, чаще всего сонанты *ɾ, l, m, n, i, u*, согласные *p, b, t, d, k, g* и др. звуки.

В некоторых случаях корни, образованные с помощью различных расширителей, настолько близки по значению, что их семантическое сходство дает основание говорить о чередовании формативов в составе этих корней.

3. Параллельные и.-е. корни с *l/u*

Корни с чередующимися формативами принято называть параллельными (Parallelwurzeln). Приведем в качестве примеров несколько и.-е. корней с формативами *l/u*, которые признаны как параллельные в авторитетных источниках.

3.1. И.-е. **peuǵ-/preuǵk-* "колоть": лат. *pingere* "колоть, ранить", греч. *πεύκη* "ель", прусск. *peuse* "сосна", нем. *Fichte* "ель", др.-в.-нем. *fiōhta*³. Наряду с корнем **peuǵ-* зафиксирован "параллельный" корень **peig-/peik-/pīnk-* (*pīnk* – назализованный вариант *peik-/pīk-*) "колоть": лат. *pingere* "вышивать иглой, писать красками", греч.

¹ Имеются в виду двухсложные базы типа *genə-*.

² Книга П. Перссона не утратила своего значения до сих пор. Касаясь структуры и.-е. морфемы, О. Семереньи пишет: "Наиболее значительной в этой области продолжает оставаться книга Перссона" [Семереньи 1980: 115].

³ Здесь и далее приводится минимальное количество примеров, необходимое для иллюстрации того или иного утверждения или доказательства той или иной гипотезы.

λοκίλος пестрый', русск *пестрый*, *писать*, др.-англ. *fāh* "пестрый", гот. *filu-faihs* разнообразный; ст.-слав *рѣгъ* "пегий, пестрый" < и.-е. **peǵk-/peǵ* "колоть, резать, высекать" (> "рисовать, испещрять, делать пестрым") [Walde, Hofmann 1938, 2: 305, 383].

3 2 И.-е. **speis-/speis-* "дуть": лат. *spīrāre* "дышать", ст.-слав. *piskati* "свистеть, играть на дудочке", нем. *Fist* "испускание газов из организма", др.-исл. *fisa* "дуть" (< **speis-*). Этот корень мог чередоваться с и.-е. **speis-/spēs-*: русск. *пыхать*, лат. *pustula* "пузырек", русск. *запах*, *пахнуть* [Walde, Hofmann 1938, 2: 392, 575–576]

3 3. И.-е. **gḥē-/gḥa- > gḥē-/gḥē-* "звать, зевать", лат. *hiscere* "зевать, зиять", греч. *χάσσω* "зеваю, зияю", др.-инд. *vi-hāya-* "воздушное пространство", русск *зиять*, др.-англ. *gīman*, *gānian* "разевать рот, зиять", нем. *gahnen* "зевать", др.-исл. *gīna* "разевать зев" (< **gḥē-*); но. русск. *зев*, др.-в.-нем. *gewōn* "зевать", др.-англ. *gīwan* "требовать" (< **gḥē-*) [Walde, Hofmann 1938, 1 648; Persson 1912: 708]

3.4. И.-е. **sleib-/sleub-* "скользящий": лат. *lubricus* "скользящий, гладкий", др.-англ. *slūpan* "скользить, выскользнуть", гот. *slūpan* "красться, проскользнуть", нем. *schliefen* др.-в.-нем. *shofan* "проскользнуть" (< **sleub-*), но. греч. ολίβρος "скользящий, гладкий", нем. *schleifen*, др.-в.-нем. *slifan* "шлифовать, делать гладким" (< **sleib-*) [Walde, Hofmann 1938, 1 795, 823]

3.5. И.-е. **ster-/sterā-/strē- > strē-, strei-* "проводить полосу": нем. *streichen* "гладить, мазать", др.-в.-нем. *strihhan*, гот. *striks* "мазок, полоса", лат. *stringere* "натягивать, стягивать" (< и.-е. **strēi-g-*), др.-исл. *strjúka* "гладить, мазать", русск. *смыг* (< и.-е. **strēi-g-*) [Pokorny 1959, Persson 1912: 904].

3.6. И.-е. **sp(h)er-, spre-, spre-* "рассыпать, сеять": др.-в.-нем. *sprīzan* "раскалывать на куски" (< **sprei-d-*), но нем. *spreizen* "широко расставлять ноги", др.-в.-нем. *sprūzan* (< **sprei-d-*) [Pokorny 1959: 994].

3.7. И.-е. **iā-/iā-, iā-/iā-, tā-/tū-* "таять, плавиться": лат. *tābēscere* "таять, чахнуть, истлевать", русск. *таять*, др.-в.-нем. *douwen* "таять", нем. *verdauen* "переваривать", но. др.-в.-нем. *deisk* "нечистоты, навоз", греч. *τίλος* "понос" [Pokorny 1959, Persson 1912: 709]

3.8. И.-е. **dha-, dhā-/dhā-* "видеть" др.-инд. *dhyāti* "думает" (< "рассматривает в уме"), но. греч. *θεά* (< **thāFā*) "взгляд" [Persson 1912: 707, ср. Pokorny 1959 243].

3 9 И.-е. **st(h)ā-/stā-, stā-, stā-* "стоять, быть прочным": лат. *stare*, др.-инд. *sthāyin-* "спокойно стоящий", *stīma-* "медлительный, вялый", но. др.-англ. *stōw* "место".

3.10 И.-е. **senā-/snē-* "связывать, плести, шить": литовск. *nūnis* "бердо" (< **snē-*), но. др.-инд. *snāvan-* "связь", др.-исл. *snúa* "поворачивать, крутить" (< **snē-*) [Persson 1912: 813]

3.11 И.-е. **skera-/skrē-* "расщеплять" греч. *κέρω* "отрезаю" (< *(s)kre-*); но. др.-в.-нем. *scrōtan* "резать, рубить", лат. *scrūta* "хлам" (< **skre-*) [Persson 1912 786–787].

3 12. И.-е. **dera-/drē-* "обдирать, сдирать, расщеплять": латышск. *drīsmē* "трещина, шель" (< **drē-*) но среднеперс *drūn* (< **drē-*) "убирать урожай" [Persson 1912 778–779].

3 13. И.-е. **bhera-/bnrē-* "тереть". лат. *frāre* "растирать", но др.-исл. *broma* "обломок, осколок" [Persson 1912: 781–783].

Во всех рассмотренных выше случаях имеются прямые указания целого ряда исследователей (обзор литературы см. в названных источниках) на идентичность и.-е. корней, содержащих формативы *ι* и *υ*. Поскольку, однако, наблюдаются более существенные различия в семантике и.-е. корней, а семантический критерий (при формальном сходстве морфем), как сказано выше, остается в компаративистике одним из наиболее важных, отождествление некоторых и.-е. корней сопровождается определенными оговорками. Это относится, в частности, к корню **gel-*.

3 14. И.-е. **gel-/glē- > glē-/glē-* "сдавливать в комок": лат. *gluere* "стягивать", др.-инд. *glāuh* "комоч, шар", др.-в.-нем. *kliuwa* "клубок", нем. *Klaue* "коготь", др.-в.-нем. *klāwa* "лапа", др.-исл. *klō* "коготь" (< **glē-/glei-* "сдавливать, сжимать") [Walde, Hofmann 1938, 1: 611–612], но греч. *γλία* "клей", лат. *gluttus* "липкий, вязкий", литовск. *glūnis* "липкий", русск *глей* "глинистая почва", др.-в.-нем. *kliban* "держатель, приклеивать" (< **glei-* "клейкий, вязкий") Касаясь возможной связи и.-е. **glei-* "клеить" с

корнем **gel-/gleu-* 'сдавливать', авторы указанного словаря пишут: «Связь с *gel-* "сдавливать в комок" допустима, но значение явно стало самостоятельным еще в общеиндоевропейском» (с. 612) Множество других корней с чередующимися *i/ɥ* представлены в [Persson 1912 770–820; Vries 1958] (90 гнезд).

Рассмотренный материал позволяет сделать важные предварительные выводы. С помощью формативов *i* и *ɥ* расширяются преимущественно односложные корни типа *ghē-* или *glē-*, причем последние возникли в результате преобразований *gela-/glē-*, как полагал П. Перссон, или в результате альтернатив и трансформаций и.-е. корня типа *pet-/pt-* > *pter-*, *sen-/sn-* > *sneɫ-*, как показал Э. Бенвенист [Benveniste 1935: 147–160]. Иными словами, гласный, к которому могли присоединяться *i* и *ɥ*, не только был долгим (первоначально сочетание с ларингалом типа *eH*), но и кратким.

Значения расширенных *i/ɥ*-derivатов настолько близки, что это дает основание рассматривать их как "Parallelwurzeln", т.е., с нашей точки зрения, как альтернанты одной морфемы. Корни типа *ghē-* могут иногда расширяться с помощью иных формативов (например, с помощью *n*: ср. **ǵhən-* > нем. *Gans* "гусь"). Однако, как правило, в качестве расширителей выступают именно *i* и *ɥ*, создавая своего рода формообразующую (функционально-семантическую) бинарную оппозицию⁴. Именно это обстоятельство и дает нам основание говорить о чередовании *i* и *ɥ* в и.-е. корне.

Следует также обратить внимание на то, что *i* и *ɥ* выступают в качестве некоторых первичных расширителей и -е. корня, к которым могут присоединяться вторичные расширители. Эти вторичные расширители могут быть материально (фонетически) идентичными (*speɫ-s-* и *speɥ-s-*, *sleɫ-b-* и *sleɥ-b-*) или фонетически близкими элементами (*g* и *k*: см. 3.1).

Возможно, что функциональная близость *i* и *ɥ* объясняется тем, что в раннеиндоевропейском эти звуки [Гамкрелидзе, Иванов 1984 160–161], будучи различными фонемами, противопоставлялись по одному и тому же признаку (закрытости) низкому (открытому) гласному (выступавшему в виде вариантов *e*, *a*, *o*). В свете таких допущений чередование *i/ɥ* в и.-е. корне может, в свою очередь, дать повод фонологам рассматривать эти звуки как варианты первоначально единой фонемы (такая гипотеза высказана, например, В.Г. Таранцом [Таранец 1992: 46–52]). Так или иначе, происхождение чередования *i/ɥ* представляет отдельную, самостоятельную, проблему, которая, возможно, найдет свое решение в свете ларингальной гипотезы [Gąsiorowski 1998] или в свете гипотезы о происхождении и.-е. вокализма [Мельничук 1979; Mottausch 2000].

В индоевропеистике (особенно часто – в работах по германским языкам) чередование в германском корне *e – ai – i* вместо ожидаемого ряда *i – ai – i* (соответствующего и -е чередованию *eɫ – oɫ – i*) принято обозначать термином "Ablautentgleisung" (буквально "соскальзывание с колеи аблаута"), который можно перевести как "аномальное развитие аблаута". Трактование указанного чередования как "соскальзывания" обусловлено тем, что принято считать, что и.-е. *eɫ – oɫ – i* преобразуется в ряд *e – o – i*. Так, например, нем. *Stich* "укол", др.-в.-нем. *stih* "укол, точка", др.-англ. *sticsa* "кольщик", гот. *stiks* "момент, мгновение", др.-исл. *steikja* "поджаривать на вертеле", *stikill* "острый край рога для питья" (< герм. **stik-/staik-* "колоть, острый") сопоставляются с греч. στίχια "укол, точка", лат. *stinguere* "колоть", др.-инд. *tigmá-* "острый". Все гнездо возводится к и.-е. *(*s*)teɫg-/stoɫg-/stig- "колоть" < *(*s*)teɫ- "быть острым" [Walde, Hofmann 1938, 1: 707]. В германских языках в этом случае наблюдается "нормальный" ряд аблаута *i – ai – i*. Такое же чередование восстанавливается в германском корне **pihstila-/pihstila-*: англ. *thistle* "чертополох", др.-англ. *pistel*, нем. *Distel*, др.-в.-нем. *distil*, *distula*, др.-исл. *pistill* "то же" (< и.-е. **steɫ-* "колоть" без подвижного *s* в начале корня).

⁴ Вот что пишет по этому поводу П. Перссон: "В таких возникших по аналогии чередующихся формах (*sterei-g-*, *stereu-g-*, *stere-g-*) можно говорить, если угодно, о некотором инфиксе *i*, *ɥ*" [Persson 1912 903].

От двух рассмотренных герм корней (**stik-* и **bih-/bīh-*) невозможно отделить еще одно германское гнездо, которое также возводят к и-е **steɣ-* "колоть" нем *Stachel* "жало, шип, колючка", др.-в.-нем *stahhula*, гот *staks* "отметина от раны", др.-исл *staka* "колоть", нем *stechen* колоть, др.-в.-нем *stehhan*. Поскольку и-е **steɣ-/stoɣ-/stug-* должно закономерно дать герм *stik-/staik-/stik-*, делается вывод, что в данном случае и.-е. *eī - oi* трансформировалось в и-е *e - o* (> герм *e - a*) [Walde, Hofmann 1938, 1: 707]

Аналогичные изменения нередко наблюдаются и в других случаях, однако они не всегда квалифицируются как Ablautengleichungen. Так, в [Kluge, Seebold 1989] нем. *schneiden* "резать" объединяется в одно гнездо с *Schnat* "молодые побеги, ветки", а также с *Schnatte* "рана, рубец" и *Schneise* "просека" и сопоставляется с кимр *naddu* "резать" но при этом отмеченный в словаре 'аномальный вокализм' в германских и кельтских языках никак не объясняется. Между тем, нет никакого сомнения, что чередование гласных в ряду *schneiden - Schnat - Schnitt* (герм *i - a - i*) полностью совпадает с чередованием в ряду, образуемым др.-исл и гот словами *steikja - staka - stiks* (см. выше)

Смешанное чередование *i - a - i* или *ai - a - i* в германских языках обусловлено тем, что рефлексy форм с и-е [eɪ/oɪ] в герм языках часто сосуществуют с рефлексами [e/o]-форм наряду с формой *schneiden*, берущей свое начало от **sneɣ-*, существует форма *Schnat*, восходящая к **sne-*, наряду с **stak-* "укол" существует **bih-* колючка и т.д. Когда явное семантическое сходство подобных форм "принуждает" лингвистов к их сопоставлению, германское чередование *i/a* рассматривается как некоторое отклонение (см. статью 'schneiden' в [Kluge 1989]). Чаще же всего формы с [i] и с [a] рассматриваются раздельно, и их этимологизация заходит в тупик (как это имеет место, например, с нем *schlagen*, происхождение которого считается неясным). Между тем, сформулированные выше правила об аномальном аблауте позволяют с нашей точки зрения, не только сопоставить некоторые формы, в которых наблюдается 'отклонение' в вокализме, но и объяснить происхождение целого ряда корней, этимология или структура которых остается неясной

4. И.-е. и германские корни с аномальным аблаутом

4.1 И.-е. **bheɣ-/bheɣa-/bhū-* "расти, быть" англ *be* "быть", др.-англ *beon*, нем *bauen* "возделывать землю", др.-в.-нем *būan* "жить, населять, возделывать землю", гот. *baijan* "жить", греч *βίω* "расту", др.-инд *bhu-* "становиться, существовать", литовск. *būti* "быть", русск *быть*

Наряду с рефлексами корня **bheɣ-/bhū-* в и-е языках зафиксированы слова, которые формально восходят не к **bheɣ-*, а к **bheɣ-* [ср лат *fiō, fieri* "становиться, возникать", *filum* образ", ст.-слав *bě, běchъ*, нем *bin* (формы глагола со значением "быть")]. Обычно происхождение форм с *-eɣ-* объясняют следующим образом *bheɣa-* > *bhūē-* > *bhūēɣ-* > *bheɣ-*. Тот факт, что *-ɣ-* исчезает в нескольких группах и-е языков (ср приведенные выше латинские, германские и славянские формы, берущие свое начало не от **bheɣ-*, а от **bheɣ-*), заставляет допустить, что утрата *ɣ* произошла еще до распада и-е общности [Фортунатов 1956, т. 2: 124]. С нашей точки зрения, проще допустить, что исходной и-е формой со значением "быть", была **bhē-*, которая расширялась с помощью функционально сходных формативов *ɣ* и *ɥ*, давая соответственно **bheɣ-* и **bheɣ-*. В основе наименования одного из древнейших понятий "расти-жить" лежала по-видимому, простейшая, элементарная (без расширителей) форма **bhe-*. Такая гипотеза позволяет предложить новую версию происхождения герм **bam-* "кость". англ *bone* "кость", др.-англ *ban*, нем *Bein* "нога", др.-в.-нем *bein* "кость", др.-исл *bein* < герм **baina-* "кость". Несмотря на то, что происхождению герм **baina-* посвящено огромное количество работ (наиболее полный список литературы содержится в [Lloyd, Springer 1988, 515-516]), происхождение этого германского корня остается неясным. Чаще всего **baina-* возводится к и-е **bheɣ-* "бить" [Markey 1983, Hamp 1984, 1985, Vammesberger 1990]. Проблема может быть решена, как нам представляется, с

опорой на семантическую типологию и аномальный аблаут Семантическое соответствие между и -е **es-/os-* "быть" и **ost-* "кость" (<"сущее, брненное, материальное, мирское"), а также между **es-/os-* "быть" и герм **sanþ-/sunþ-* "грех, вина"⁵ дает основание допустить аналогичные семантические дериваты для и -е **bheɣ-*. В этом случае герм **bain-* "кость" <"сущее, мирское" образовано по той же семантической модели, что и и -е **ost-* "кость" <**os-* "быть" [Трубачев 1974, вып 11 168–169]. Значение "грех, вина" могло развиться в противопоставлении "сущее, мирское (> греховное)" – "духовное (> праведное)" «Развитые религии мира, – пишет в этой связи О Н Трубачев, – наделив кость атрибутами греховности, брренности, сущего похоже, лишь оживили при этом древние этимологические истоки прежде всего и -е. *ost-* "кость. Достаточно сослаться на иран *astvant-* "брренный, преходящий, материальный" (букв "костяной")» [Трубачев, там же]. Таким образом, наша гипотеза сводится к тому, что герм **bain-* восходит к и -е **bheɣ-* "быть" с исходным значением "сущее, брренное" > "кость"⁶. Связь герм. **bain-* с и -е **bheɣ-* не обязательно предполагает существование двух вариантов корня **bheɣ-/bheɣ-*, возникших из единой исходной формы **bhē-*. Но если в качестве исходной и -е формы принять не **bheɣ-/bheɣ-*, а **bhe + -ɣɪ-*, то германское **bain-* вполне сопоставимо с русск *бедро*, праслав **bedro*, лат. *femur/femur* "то же" (<**bhe-* + различные расширители) Семантическое соотношение аналогично и -е **ost-* "кость" – лат *costa* "ребро"

42 И -е корень **leudh-*, для которого реконструируется значение "расти" (нем *Leute* "люди", др -в -нем *luti* "люди", др -исл *lǫðr*, др -в -нем *lotan*, гот. *ludan* "расти", лат *liber* "свободный человек", *liberi* "дети", греч ελευθερος "свободный человек", др -инд *rodhati* "растет", литовск *liáudis* "народ", русск *люди*), неоднократно привлекал к себе внимание многих исследователей (Бругманн, Бенвенист, Гамкрелидзе/Иванов, Трубачев и др.) Отклонение в вокализме лат *liber* (i вместо ū), гласный в начале греческого слова дают основание предположить, что в основе всего гнезда лежит корень **elā-/lē-/le-* "гнуть" (с характерными для него дериватами *leɣ-* и *ley-*) Состав сем, объединяемых этим корнем, – [сустав, изгиб]: ср англ *limb* "конечность, ветка", др -исл *limr* "тонкая ветка, сустав", нем *Glued* "член", др -исл *liðg*, гот *liþus* "член тела", лат *obliquus* "кривой, косой", [ребенок] ср лат *liber*; [рождаться] ср алб *lenj* (<**leudh-n-*), [бог зачатия] ср лат *Liber* [Walde, Hofmann 1938, 1 791–793] – аналогичен сочетанию сем [колени], [ребенок], [рождать] в корне *ḡen-* ср гот *kniu* "колени", лат. *genū* "колени", др -инд *jānu* "то же", хет *genu-/ganu-* "колени", а также "половой орган" < и -е *ḡenu-/ḡneɣ-/goneɣ-* "колени", но др -в -нем *kunni* "род", гот *kuni* "род, племя", лат *genus* "род, племя", др -инд *jātā-* "рожденный", лат *nānō* "род, племя, народ", < и -е **ḡen(ə)-* "рождать". Все сказанное позволяет, как нам представляется, реконструировать и -е **leudh-* со значением "зачать, родить" < "гнуть". Семы [расти] и [свободный] являются производными – ср лат *lūma* "колючее растение", греч λυγος "гибкая ветка", нем *Lauch* "лук", < **leuɣ-g-* "гнуть". Не связан ли этот корень с и -е **leuɣbh-* "любить" (англ *loving* "любимый, дорогой", др -англ *lēof*, др -исл *lǫfr*, гот *lufts*, лат *libere* "нравиться", укр *любий*)? Сема [любить], кстати, также может породить сему [свободный] –

⁵ Англ *sin* "грех", др англ *synn*, нем *Sunde* "грех", др -в -нем *suntea*, гот. *sunja* "истина", *sunys* "истинный", др -исл *sannr* "то же", др -в -нем *sand*, англ *sooth* "истина" <герм **sundþ-* "истинный". По форме германский корень является причастием с суффиксом *-nt-* от и -е глагола **es-* "быть" (> *sont-/snt-*) и сопоставим с хет *ašant* "сущее, верное", др -инд *sant-*, лат *sōns* "виновный".

⁶ Если герм **bain-* расширено с помощью того же партиципального суффикса *n*, что и ср -англ *bēn*, англ *been* (< герм **biun-*), то первоначальным значением *bain-* было "бывшее". Морфологической структурой герм **baina*, которое сопоставляется с лат *finis* "посвящена", статья А. Баммесбергера [Bammesberger 1990 264–267] латинские и германские корни рассматриваются в этой статье как расширение и -е **bheɣə-* "бить" с помощью суффикса *-ni/-no*. Таким образом, предлагаемая нами морфологическая структура герм **baina-* соответствует реконструкциям последнего времени.

ср. нем. *frei* "свободный". др.-инд. *priyá-* "желанный, любимый", *pri-* "любить, радоваться" < и.-е. **prāi-/pṛi-* "нравиться, любить".

4.3. И.-е. *bhāu-/bheu-/bhei-* "бить". В [Walde, Hofmann 1938 : 452] высказывается гипотеза о существовании и.-е. корня **bhā-* со значением "бить" наряду с корнем **bhāu-* (англ. *beat* "бить, ударять", др.-англ. *bēatan*, др.-исл. *bauta*, лат. *con-fūtāre* "сдерживать, останавливать, сваливать" < и.-е. **bhāu-/bhaū-* "бить, ударять"). Известен, однако, еще один и.-е. корень со значением "бить, резать": англ. *bill* "меч, секач", др.-англ. *bil* "топор, короткий меч", нем. *Beil* "топор", др.-в.-нем. *bihal*, др.-исл. *bíldr* "наконечник стрелы", русск. *бумь* < и.-е. **bhei(ə)-* "бить, расщеплять". В свете обсуждаемой нами гипотезы логично реконструировать в качестве дериватов корня **bhā-* корни **bhei-* и **bheu-* (точно так же, как дериватами **bhā-* "сиять" являются **bhei-* и **bher-*). В итоге в одном гнезде объединяются *bhā-*, *bnāu-/bheu-/bhei-* "бить".

4.4. И.-е. **skeu-/skēi-* "резать". Корень **skei-p-* зафиксирован в лат. *cippus* "остроконечный столб, кол", др.-инд. *śēpa* "хвост, penis", лат. *scipiō* "палка, посох". Похоже, что наряду с этим корнем существовал корень **skeu-* со значением "острый", дериватом которого мог быть и.-е. **ku-/kū-* (лат. *cuspis* "колючка, шип, вертел", др.-инд. *śūka-* "шип, колючка" [Pokorny 1959: 626]). Изолированность и необычная форма корня **ku-* вызывает сомнение в том, что эта морфема представляла собой отдельный самостоятельный корень, а не была вариантом другого корня. В соответствии с теорией П. Перссона существование вариантов *skeu-* и *skēi-* предполагает наличие общей исходной базы **sekā-/skē-*. Такой базой мог быть известный корень **sek-* "резать", в котором *k* чередовалось с *ċ* (о возможном чередовании *k* – *ċ* в этом корне см. [Walde, Hofmann 1938, 1: 219–220]). Итак, мы исходим из того, что корень **sek-/skē-/skē-* расширился первоначально с помощью *i* и *u*, а затем все три варианта – *ske-*, *skēi-*, *skeu-* – расширились с помощью одних и тех же формативов, например, *p* или *sp*: *skēp-* давало [Walde, Hofmann 1938, 2: 219–220]: русск. *щена* (< **šċepa*); *skeip-* давало лат. *cippus*; *skeup-* давало гот. *skuft* "волосы на голове", нем. *Schopf*; *skeu-sp-* > лат. *cuspis*; *skē-sp-* > герм. **haspa*: нем. *Haspe* "крюкообразное приспособление для навешивания дверей и окон", др.-в.-нем. *haspa*, нем. *Haspel* "мотовило", др.-в.-нем. *haspil*. В качестве исходного значения в [Kluge 1989: 359] реконструируется "крюк, на котором что-то вращается". В словаре [Muller 1926] др.-в.-нем. *haspa* сопоставляется с лат. *cuspis* "колючка, шип, вертел, копье". Поскольку вокализм лат. *cuspis* явно отклоняется от вокализма германских форм, Муллер предлагает в качестве исходной формы **kop-bh-s-*, сопоставляя латинское и германское слова с русск. *скоба*. Судя по небольшой ремарке в [Walde, Hofmann 1938], гипотеза Муллера отклоняется по семантическим причинам ("Bedeutung!"). Однако, если речь идет о семантике, то она-то как раз сомнений не вызывает: основу значения др.-в.-нем. *haspa* составляет не сема [вращать, мотать], а сема [остроконечный стержень, на который что-то наматывается или навешивается]. В качестве такого стержня, крюка и могло первоначально выступать приспособление в виде шипа, вертела и т.п. Иной вопрос – формальное соответствие между лат. *cuspis* и др.-в.-нем. *haspa*. Их сопоставление возможно только при условии, что исходным корнем был не **ku-/kū-*, как значится в [Walde, Hofmann 1938] в статьях *cuspis*, *culex*, *cineus*, а **kē-* > **ke-/kēu-/kū-*. Но поскольку корень *kē-* не зафиксирован, следует полагать, что конечной формой в этом случае является, как сказано выше, **sek-/seċ-*. Преимущество нашей гипотезы заключается не только в том, что она позволяет объединить несколько герм. и лат. форм, но и в том, что она дает возможность избежать упомянутых выше сложных фонетических преобразований, приводящих в соответствие формы с *-bh-s-* и *-sp-*.

4.5. И.-е. **sēi-/sēu-* "отпускать": англ. *sear* "увядший, сухой", др.-англ. *sēar* "сухой", нем. (диал.) *sohr* "высохший", ср.-н.-нем. *sōr*; < герм. **sauzaz* "сухой" // греч. αἰῶσ (< **sau-sos*) "сухой", лат. *sūdus* (< **suzdos*) "сухой", авест. *huška-* "то же", литовск. *sausas* "то же", русск. *сухой* < и.-е. **saūs-/sus-* "сухой". Судя по названным выше рефлексам, в и.-е. корне смешались *seūs-/sus-* и *sauš-*. Ж. Вандриес (цитируется по [Walde, Hofmann 1938, 2: 624]) исходит из закономерного *seūs-/sus-*, а "нерегулярное" *-a-* в славянских,

балтийских, германских и греческих словах объясняет влиянием "экспрессивных" факторов. Следует, однако, обратить внимание на существование параллельного корня, зафиксированного в лат. *siccus* "сухой", нем. *seihen* "процеживать". др.-в.-нем. *sihan*, др.-исл. *sia* "процеживать", др.-в.-нем. *sigan* "падать по капле, капать" (герм. **sihw-/sīgw-* "цедить, выливать по капле" < и.-е. **sejk^h-* "выливаться, капать" < **sēj-* "отпускать (воду), дать течь"). Это дает основание полагать, что исходной базой могла быть **sē-/sə-* с двумя вариантами – **sēj-* и **sēj-* "отпускать, выпускать (воду)". Вариант **sēj-* > герм. *sihw-*, лат. *siccus* "сухой", авест. *hiku-* "то же", а вариант **sēj-/sēj-* > лат. *sūdus*, авест. *huška-* и т.д. Такой подход к толкованию корня **sēj-/sēj-* позволяет не только объединить два явно родственных гнезда слов, но и объяснить наличие *-a-* в корне **sa^hс-* как совершенно закономерное явление (*ə^h* > *au*).

4.6. И.-е. *ǵhej-/ǵhej^h* "отпускать > метать, швырять, лить". В [Pokorny 1959: 418, 419, 424] различается несколько омонимичных корней *ǵhē-/ǵhēj-*. Один из этих корней определяется как "быть пустым, отсутствовать"; "отпускать, уходить > идти". Второй корень, который определяется как "зевать, зиять" (см. выше п. 3.3), Ю. Покорный связывает с первым, т. к. "зевать, разевать" можно истолковать как "зияющая пустота". Кроме этих двух корней, зафиксирован корень *ǵhēj-/ǵhej-* (с. 424) со значением "погонять, швырять, метать; снаряд для метания". Наконец, есть еще один корень с формативом *j* – *ǵhej-*, определяемый как "лить", но включающий в свою семантическую структуру также значения "выливать, высыпать, швырять" и т.п. (лат. *fundere* "выливать, высыпать, швырять", др.-инд. *juhōti* "делает возлияния, подливает масла в огонь", арм. *joyl* (< *ǵheulo-*) "вылитый", jew "форма, образ". др.-исл. *gjōta* "рожать, метать" (о животных), гот. *giutan* "лить"). Совершенно очевидно, что сема [метать, швырять] является производной от [отпускать, выпускать]. Такое сочетание смыслов наблюдается во множестве случаев. Наиболее ярким примером является греч. *ἵημι* (< и.-е. **sēj-* "отпускать"), объединяющее значения "посылать, отсылать, метать, швырять, дать течь, выливать, быстро двигаться". Почти все эти значения присутствуют в приведенных выше дериватах корня *ǵhē-/j-*; значения "лить, швырять", в свою очередь, порождают значения "кашеобразная жидкость", "глина", "обмазывать глиной", "месить, формовать" [Варбот 1974: 47] и т.п.

Таким образом, можно полагать, что исходной базовой морфемой для всех реконструируемых форм является **ǵhē-* со значением "отпускать, выпускать, позволять" (> "быть пустым, зиять, зевать"; "делать пустым, уходить"; "выпускать, метать, швырять, лить" > "обмазывать глиной, формовать")⁷. В свете этих допущений могут получить новое этимологическое толкование несколько известных корней.

В частности, появляется возможность пересмотреть этимологию славянского **zъdati* (русск. *создать* и т.д.). Праслав. **zъdati* предполагает и.-е. **ǵhej(d)(h)-*. Вслед за Г. Хиртом и А. Мейе [Hirt 1898: 255; Meillet 1925: 13] праслав. **zъdati* возводят к и.-е. корню **dhejǵh-* (лат. *ingere* "лепить, создавать", русск. *дежа* "квашня", гот. *daigs* "тесто" и т.д.), допуская метатезу *ǵh – dh*. Между тем, можно исходить из того, что никакой метатезы в *zъdati* не произошло. Форма **ǵhej(d)-*, к которой закономерно восходит это слово, означала "швырять", а значение праслав. **zъdati*, интерпретируемого как "лепить, формовать", возникло на основе "швырять глину, обмазывать". Эта гипотеза подтверждается семантикой родственных балтийских и славянских форм: латышск. *zīest* "обмазывать печку глиной", литовск. *žaidas* "печь", ст.-слав. *zъdъ* "глиняная стена, глина", др.-прусск. *seydis* "стена".

Таким образом, форма **ǵhej(d)-*, к которой восходит слав. **zъdati*, коррелирует с формой **ǵhej(d)-*, к которой восходит герм. **giutan* "лить". Третье звено в этой коррелятивной цепочке форм с аномальным аблаутом образует и.-е. **ǵhed-*, давшее гнез-

⁷ К установленному кругу дериватов корня **ǵhej-* следует отнести также "омонимичный" корень со значением "зима". Это было убедительно сделано еще в 1957 г. О.Н. Трубачевым, который истолковал зиму как "сезон дождей" [Трубачев 1957: 29–31].

до со значением "проход, отверстие, дыра": др.-инд. *hadati* "испражняется", авест. *zađah-* "зад", греч. *χεζω* "испражняюсь", др.-исл. *gat* "дыра, отверстие" (ср. др.-исл. *gjōta* "узкий проход" < и.-е. *ǵhēud-).

4.7. И.-е. **ghela-/ghela-/ghlē-*, *ghlei-*, *ghleu-* "сиять, блестеть". Дериватами этого корня могут быть три гнезда, возводимых обычно к различным формам.

4.7.1. Англ. *glad* "рад", др.-англ. *glæd* "блестящий", нем. *glatt* "гладкий", др.-в.-нем. *glat* "блестящий", др.-сакс. *glad* "радостный", др.-исл. *gladr* "веселый, блестящий" < герм. **glada-* "блестящий" // лат. *glaber* "гладкий, голый" < и.-е. **ghel-/ghla-* "блестеть".

4.7.2. Англ. *glide* "скользить", др.-англ. *glīdan*, нем. *gleiten* "скользить", др.-в.-нем. *glitan* < герм. **glið/ɡlaid-* "скользить" // греч. *χλιδή* "роскошь"; < и.-е. **ghlei-* "блестеть". Сюда же относится, с нашей точки зрения, еще одно германское гнездо, происхождение которого считается неясным, т. к. число надежных соответствий за пределами германских языков ограничено.

4.7.3. Англ. *glee* "веселье, ликование, песня", др.-англ. *glēo* "радость, веселье, музыка", др.-исл. *gly* "радость, веселье"; < герм. **gliw-* "радоваться". Это гнездо сопоставляют с греч. *χλεύη* "шутка", литовск. *gláudoti* "шутить", русск. *глум* и реконструируют и.-е. **ghleu-/ghlou-* "быть веселым". Русск. *глум* в словаре [Трубачев 1974, 6: 148] относится к другому корню. Мы полагаем, что германская и греческая формы сопоставимы с двумя предыдущими гнездами и вместе с ними восходят к корню **ghela-/ghlē-* (с расширителями *i* и *u*), образуя три деривата: *ghlē-/ghla-*, *ghlēi-*, *ghlēu-* с возможным первоначальным значением "резать, сечь > блестеть".

4.8. Герм. **aik-/auk-/ak-* "расти". Одним из трудно этимологизируемых корней в герм. языках является обозначение дуба: англ. *oak* "дуб", др.-англ. *āc* "дуб; судно из дуба", др.-сакс. *ēk*, нем. *Eiche* "то же", др.-в.-нем. *eih*, др.-исл. *eik* "дуб; челн, судно" < герм. **aik-* "дуб". За пределами германских языков надежных соответствий не обнаружено. В большинстве этимологических источников герм. **aik-* сопоставляют с греч. *αἰλῶψ* "черный тополь" (а также "разновидность овса, травы"), лат. *aesculus* "горный дуб", однако эти сопоставления считаются ненадежными. Происхождение корня остается неясным. Высказываются даже гипотезы о неиндоевропейском ("средиземноморском") происхождении корня. Тем не менее, есть множество попыток этимологизировать этот корень: < и.-е. **aig-* "дрожать" (>"дрожащее дерево") < **aīu-* "жизненная сила" (>"дерево жизни").

В. Грипентрог [Griepentrog 1995], опираясь на разыскания Р. Риттера [Ritter 1975], возводит герм. **aik-* "дуб" к и.-е. **aīg-* "светлый" (по цвету коры или сердцевины дерева, т. е. ядровой древесины). Э. Зеболд [Seebold 1999], подвергая сомнению это этимологическое решение (ни кора дуба, ни его ядровая древесина не могут характеризоваться признаком "светлый"), выдвигает иную гипотезу: в основу наименования дуба в германских языках положен мотив [твердый, прочный], как, например, в греч. *δρῦς* (< и.-е. **d(e)r(e)u-* "дерево, древесина"). Поскольку слов с таким значением ("твердый") в дериватах всех известных и.-е. корней **aig-/aīg-* не зафиксировано, Э. Зеболд пытается найти иной и.-е. корень с близкой к *aig-* формой и приемлемой (для реконструкции значения "твердый") семантикой. Таким корнем оказался и.-е. **īeg-* "лед". Чтобы привести в соответствие герм. **aik-* и и.-е. **īeg-*, Э. Зеболд реконструирует и.-е. *(*a*)*j(e)g-* "твердый", который может дать два варианта – **aīg-* (> герм. **aik-* "дуб") и **jeg-* "лед" (др.-исл. *jaki* "лед, сосулька, льдина", ср.-ирл. *aig* "сосулька"). При этом предполагается, что значение "лед" развивается из значения "нечто твердое, застывшее, затвердевшее".

Понятно, что предложенная Э. Зеболдом гипотеза, хорошо обоснованная с позиции семантической типологии (дуб – "нечто твердое"), не может быть принята в качестве окончательного решения уже хотя бы потому, что значение "лед", судя по семантике других сопоставлений в гнезде **īeg-* (в кельтских и, возможно, в хеттском языках [Рокоту 1959: 503]), может быть связано не с понятием "твердый", а с понятием "холодный", а прямых указаний на значение "твердый" ни в гнезде **īeg-*, ни в гнездах **aīg-* Э. Зеболду найти все же не удалось.

С нашей точки зрения, к этимологизации герм. **aik-* возможны, по крайней мере, еще два подхода. Во-первых, и.-е. **aī-g-* (как дериват и.-е. **aī-* "гореть, светить") может быть истолкован как "дерево-очаг", "дерево-святилище" (с корнем **aī-* связаны некоторые культовые термины). Следовательно, если исходить из уже предложенных ранее гипотез, то **aīg-* или **aīġ-* не обязательно нужно интерпретировать как "светлый" (<"гореть"). Если, все же, с другой стороны, все попытки найти удовлетворительные сопоставления в обширной лексико-семантической сфере корней-омонимов **aīġ-/aīġ-* следует считать исчерпанными и безуспешными, и, следовательно, необходимо искать какие-то "нетрадиционные" решения, как это сделал Э. Зеболд, можно предложить еще одну гипотезу, основанную на аномальном чередовании и.-е. расширителей *i-* – *u-* нуль. Иначе говоря, можно допустить, что герм. **aik-* является одним из вариантов и.-е. **aīg-/auġ-/ag-* со значением "расти". Вариант **auġ-* представлен, в частности, такими лексемами, как литовск. *áugti* "расти", *augmiù* "рост", лат. *augēre* "увеличивать, умножать, преувеличивать, превозносить", *augmentum* "прирост", др.-инд. *ōj-man* "сила", гот. *aukan* "увеличиваться" (см. [Роконгу 1959: 85]); вариант **aīg-* представлен греч. *αἴλωψ* "травя, разновидность овса", *αἴλος* "травя"; вариант **ag-* представлен гот. *akran* "плод, урожай", др.-исл. *akarn* "плод дикорастущих деревьев", др.-англ. *æcern* "желудь, орех", ср.-в.-нем. *ackeran* "желудь" (это гнездо возводят обычно либо к и.-е. **aġ-* "гнать", либо к и.-е. **ōg-* "расти").

Чередование герм. **aik-/ak-* допускал Г. Кун [Kuhn 1954: 151] при сопоставлении др.-исл. *eik* "дуб" и *akarn* "желудь"⁸. Таким образом, герм. **aik-* может быть истолковано как "растущий, дерево" (>"дуб" – с такой же специализацией, как греч. *δρῦς* < "дерево"), либо как "сильный, могучий" (ср. др.-инд. *ōjas-* "сила, мощь", латышск. *aiŋksts* "высокий"). Семантическое сходство вариантов *aīg-*, *auġ-* и *ag-*, как видно из приведенных выше значений "плод", "урожай", "травя", является более очевидным, чем сходство значений дериватов предложенного выше корня **aīġ-*. Фонетически вполне удовлетворительно согласуются с и.-е. **aīġ-/auġ-/aġ-*, приводимые Э. Зеболдом в иной связи (с. 465) балтийские формы – литовск. *ažuolas*, *aižuols*, *aužuolas*, др.-прусс. *ansonis* "дуб" (**anġ-* можно рассматривать как назализованный вариант *aġ-*, а в других формах, похоже, представлены варианты *aīġ-* и *auġ-*). Наличие этих балтийских форм является, пожалуй, наиболее убедительным подтверждением выдвинутой нами гипотезы.

4.9. Герм. **skatt-* "скот": нем. *Schatz* "богатство, сокровище", др.-в.-нем. *scaz* "богатство, состояние", др.-англ. *sceatt* "деньги, богатство", др.-сакс. *skatt* "деньги, скот", др.-исл. *skattr* "налог, дань", гот. *skatts* "деньги" < герм. **skattaz* "скот" (с экспрессивной геминацией *tt*) // русск. *скот*, ст.-слав. *skotъ*. Предполагается, что слав. слово заимствовано из герм., хотя имеются и обратные утверждения. Семантическое сочетание "скот + богатство, деньги" носит регулярный характер и обусловлено экстралингвистическими причинами: скот служил в древности мерой богатства и стоимости. Этимология корня неясна.

А.Ф. Журавлев сопоставляет *skotъ* со слав. **koiti* (*se*) "плодиться", русск. *кормить-ся*. Однако этимология русск. *кормить-ся*, в свою очередь, также неясна. О.Н. Трубачев [Трубачев 1974, вып. 11] не исключает идентичности этого слова с *катить* (>"бросать, метать"). С учетом этой семантической типологии ("скот" < "помет") можно реконструировать герм. **skatt-* со значением "метать" (т. е. "скот" – это "помет, приплод"). В этом случае **skatt-* сопоставимо с нем. *schießen* "стрелять" (< герм. **skiut-* "метать") с чередованием *e/ou* > *e/o* (герм. *iu – a*).

Семантическое развитие "помет > скот" повторяется, возможно, в корнях **g^hōu-* "крупный рогатый скот" и **g^hōu-* "нечистоты" (в [Роконгу 1959] рассматриваются как два омонимичных корня).

⁸ Г. Кун пытается увязать появление *a*, *au*, *ai* в и.-е. корне (вместо *e* и *o*) с развитием земледелия и скотоводства: новая лексика включала в свой состав чаще *a*, чем другие звуки, – возможно, под влиянием *ā* в суффиксе основы.

4.10. Герм. **bak*- "спина, зад": англ. *back* "спина, зад", др.-англ. *bæc*, др.-фриз. *bek*, др.-исл. *bak* < герм. **baka*- "зад, спина". Происхождение неясно (в основе должен лежать и.-е. корень **bheg*-). Если допустить чередование в и.-е. корне *e/ey*, то и.-е. **bheg*- сопоставимо с **bhegg*- "гнуть". В этом случае для **bheg*- можно реконструировать значение "гнуть > нечто выпирающее, толстое".

4.11. Герм. **biuð*- "блюдо, миска": нем. *Beute* "улей", др.-в.-нем. *biutta* "дежа, кашня, улей", др.-англ. *bēod*, др.-сакс. *biod*, др.-в.-нем. *beot* "стол, миска", др.-исл. *bjōð*, гот. *biups* "стол"; < герм. **biuð*- "блюдо, миска". Происхождение неясно. Одна из гипотез – связь с гот. *biudan* "предлагать" (> "предложенная еда"). Другая гипотеза, оставленная без должного внимания, – связь гот. *biups* с *bauþs* "глухой" [Pettersson 1908: 395]. С нашей точки зрения, герм. **biuð*- надо рассматривать как один из элементов морфологической микросистемы *biuð-/bauð-/buð*-, где рефлексы всех трех альтернантов (гот. *biups* "стол", *bauþs* "глухой, немой" и герм. **biuð*- > англ. *body*, др.-англ. *bodig*, др.-в.-нем. *botah* "тело"), рассматриваемые отдельно, не получают этимологического толкования и считаются словами неясного происхождения. Между тем, общим исходным значением для всех трех корней может быть сема [бить] < и.-е. **bheyt*- "бить, рубить" (ср. лат. *fatuus* "глухой" < **bhat*- "бить" [Walde, Hofmann 1938, I: 464]). Развитие значения: "бить > сколачивать"; "бить > оглушать".

С фонетической точки зрения, и.-е. *bheyt*- является коррелятивным элементом в микросистеме *bhej-/bheyt*- (с расш. *ǰ* и *ϰ*). Оба корня являются дериватами и.-е. *bhā*- "бить, резать". Вариант *bhej*- представлен в *bil*- (см. 4.3) и др.

4.12. Герм. *grīð*- "шаг": нем. *gritt* (диал.) "шаг", ср.-в.-нем. *grit* "то же", гот. *grīps* (только вин. п. *grīd*) "шаг"; < герм. **grīð*- "шаг; шагать". Этимология неясна. Близкими по форме и значению являются лат. *gradus* "шаг", *gradī* "шагать", др.-ирл. *in-grennim* "преследую", русск. *гряду, грядущий*, праслав. **gredq* < и.-е. **ghredh-ǰgnrendh*- (в славянском и кельтском – с инфиксом *n*, т.е. с назализацией) "шаг; шагать". Однако германское гнездо предполагает и.-е. **ghrej-dh*-, а не **ghredh*-. Это формальное несоответствие снимается, если исходить из того, что в и.-е. корне наблюдается чередование *e – ei* и что это чередование обусловлено "аномальным аблаутом". Как показано выше, такие чередования возможны при наличии общей исходной базы – в данном случае **ghrē*-, которая может дать варианты **ghrej*-, **ghra*-, **ghre-dh*- и т.п. Если, далее, учесть семантику ср.-в.-нем. *griten* "расставить ноги", нем. (диал.) *graiteln* "растопырить пальцы, ноги", то можно полагать, что мы имеем дело с и.-е. корнем, который зафиксирован в следующем гнезде: др.-исл. *grein* "ветка", швед. *gren* "ветка", а также "шаг" (< "угол между двумя ветками"), англ. (диал.) *grain* "ветка"; < герм. **grain*- "ветка, разветвление" [Vries 1962: 186]. Гипотеза о связи гот. *grīps* и швед. *gren* (< герм. **grī-/grai*-) высказывалась ранее [Торп, Falk 1909: 143], однако при этом приходится оставить в стороне лат. *gradus*, русск. *гряду*. Предложенный нами подход позволяет непротиворечиво объединить все названные выше гнезда. И.-е. **gher*- могло иметь первоначальное значение "резать", типичным семантическим дериватом которого является "ветка".

4.13. И.-е. **rejβ-/reyβ-/reb*- "пестрый, пятнистый, рябой". С учетом аномального аблаута может быть уточнена этимология слав. **ryba*, предложенная в свое время В.Н. Топоровым [Топоров 1960]. В.Н. Топоров полагает, что русск. *рыба* является дериватом корня со значением "пестрый, рябой", реконструируемого для славянских форм *рябчик, рябой*, укр. *рібий* в виде **roib-/remb*- [Трубачев 1996]. Поскольку вокализм этого корня не позволяет возвести к нему слав. -у-, В.Н. Топоров предлагает "аномальную" форму **ruib*-, т.к. в некоторых случаях слав. -у- может восходить к -ui-. С нашей точки зрения, и.-е. корень **rej*-b- мог чередоваться, как уже было показано нами ранее [Левицкий 2003: 51–52], с **rey*-b- (оба варианта – со значениями "пестрый, рябой", ср. значения др.-исл. *rjúpa* < **reub*- "куропатка"). Поэтому для русск. *рыба* можно реконструировать вполне закономерную (в рамках гипотезы о чередовании и.-е. *ei – eu* – нуль) форму **reyβ-/rüb*-.

4.14. И.-е. **sne-/snej-/sneŭ-* "резать". Как показано в разделе 3, в германских языках наблюдается аномальное чередование в дериватах корня **sen-* (> **sne-/snej-/sneŭ-*) "резать". Все три варианта расширяются чаще всего с помощью вторичных формативов с дентальными *þ/ð*, хотя встречаются и иные расширители (*s, g*). К дериватам этого корня, подробно рассмотренного нами ранее [Левицкий 2001: 103–106], могут относиться (кроме слов, названных в разделе 3), в частности: нем. *schneiteln* "подрезать ветки"; др.-исл. *sneid* "разрез, ломоть", швед. (диал.) *snaid* "борозда", др.-фриз. *snēde*, ср.-н.-нем. *snēde* "пограничная линия", др.-в.-нем. *sneita* "просека, путь в лесу", н.-нем. *snāt* "граница", др.-англ. *snæd* "отрезанный кусок", а также "просека, граница"; англ. *snead* "косовище, рукоятка косы" (< "отрезанный кусок дерева"; в [Holthausen 1934: 303] происхождение англ. *snead* считается неясным); др.-англ. *snid* "пила"; др.-исл. *sneis* (< **snaiþþo?* [Vries 1962: 523]) "палка", норв. *sneis* "тонкая ветка", др.-англ. *snæs, snās* "колышек, острие"; ср.-голл. *snese* "шнур, связка; 20 штук", ср.-в.-нем. *sneise* "нить для нализывания ч.-л."; нем. (алем.) *schnattwa* (< **snadwō*) "разрез, надрез", др.-исл. *naddr* "жало, стрела", др.-исл. *snata* "копье, острие", фарерск. *snati* "выпирающая остроконечная скала", ср.-в.-нем. *snez* "щука" (без расш. *-i-*); др.-исл. *snaga* "топорик с острыми зубцами", норв. *snage* "колышек" (с расш. *-g-*). Аналогичное чередование и.-е. *ei/e* в корне *(*s*)*neiġh-/s)neġh-* "резать" проявляется в соотношении праслав. **nyzi* (> др.-русск. *нызи*, русск. *про-нзить*), праслав. **nizati* (> русск. *на-низывать*) и праслав. **nožь* (> русск. *нож*). В [Трубачев 1974, вып. 26: 68–69] в качестве исходной формы допускаются оба корня – **neġh-* и *neiġh-*. Бросающееся в глаза семантическое и формальное сходство этого слав. гнезда с приведенными выше герм. формами позволяют допустить, что **neġh-* и *neiġh-* могут быть дериватами и.-е. **senā-/sne-* "резать". В германском названном слав. лексемам соответствует др.-исл. *snaga* "топорик".

5. Возможные причины возникновения аномального аблаута

В принципе аномальный аблаут может порождаться двумя противоположными фonomорфологическими процессами – усложнением корня и его упрощением. В первом случае к *e/o* в и.-е. базовой морфеме прибавлялось *i* или *u*, а во втором – в дифтонгах базовой морфемы *ei/oi* и *eu/ou*, *-i-* или *-u-* исчезали. Оба пути фонетических преобразований обсуждаются в книге П. Перссона [Persson 1912] при рассмотрении им корней с детерминативами *i/u*. Полемизируя с Л. Зюттерлином, П. Перссон отклоняет гипотезу последнего о том, что морфологические варианты *spejd-/speud-* возникали в результате выпадения *i* или *u* из корней типа *spejejd-*. Теория П. Перссона, не утратившая, как уже говорилось ранее (см. прим. 3), своего значения в современном языкознании, строится на допущении, что такие корни, как *era-/rē-* "двигаться" или *stera-/strē-* "проводить полосу", расширялись с помощью формативов *i* или *u*, порождая соответственно формы *stera-*, *strei-*, *streŭ-*. Если, далее, при определенных условиях все три корня наращивались за счет одного и того же форматива, например, *-g-*, то возникали варианты *si(e)re-g-*, *strei-g-*, *streŭ-g-*, засвидетельствованные в германских языках в виде корней *striġ-/straik-/strik-* или *striuk-/strauk-/struk-* (ср. гот. *striks*, нем. *streichen*, но др.-исл. *strjúka*).

Если исходить все же из теории "упрощения корня", то возможно допустить, например, что изменение строения *ei/oi* > *e/o* связано с ударением, на что косвенно указывает наблюдаемое в некоторых германских формах чередование согласных по закону Вернера (*h/g, þ/ð*). Однако таких случаев сравнительно немного [Vries 1958]. Поэтому представляется, что аномальное развитие аблаута могло быть обусловлено иными, например, звукосимволическими причинами и носит экспрессивный характер⁹. В

⁹ Существует множество попыток объяснить происхождение "нормального" и.-е. аблаута влиянием звукосимволических значений чередующихся звуков (*e – o – нуль*). Одна из последних такого рода попыток (и, надо заметить, вполне успешная) предпринята М. Лауденом [Louden 2000].

пользу такой гипотезы свидетельствует тот факт, что перестроение апофонических рядов наблюдается преимущественно в корнях со значениями "резать", "царапать", "колоть", "скрести", "швырять", "жать" и т.п., т.е. в тех семантических сферах, где чаще всего (по данным психолингвистики [Левицкий 1994]) проявляется действие звукоизобразительных факторов. Нередко при этом происходит удвоение согласного. Такое удвоение может возникнуть как следствие "стандартных" причин (например, перед *ij* после краткого гласного), но чаще всего оно обусловлено так называемыми экспрессивными факторами. Хотя Р. Люр [Lühg 1988: 378–379] не без оснований полагает, что германская геминация не обязательно связана с экспрессивностью, не приходится все же сомневаться, что в определенных понятийных сферах геминаты выполняют звуко-символические функции. Не случайно, по-видимому, Я. де Фрис [Vries 1958] считает основной причиной варьирования гласных не расширение корня, а "афффект", т.е. тот фактор, который мы обозначили как "звуковой символизм". Правда, рассуждения Я. де Фриса об афффективном характере "светлых" и "темных" гласных (*i* и *u*) в обозначениях понятия "маленький" носят субъективный характер (в духе работ XIX в.) и не учитывают не только экспериментальных работ американских лингвистов и психологов [Sapir 1929; Newman 1933], которые европейской науке долго оставались неизвестными, но и таких довольно популярных публикаций, как статьи О. Есперсена и Дж. Орпа [Jespersen 1933; Opp 1944]. Важно подчеркнуть, что в работе Я. де Фриса смешиваются два очевидно различных явления: изменение строения и.-е. аблаута, которое, как показано нами в предыдущем разделе, действительно, могло быть обусловлено звуко-символическими факторами ("афффектом"), и чисто звукоизобразительные (преимущественно звукоподражательные) образования (например, ср.-в.-нем. *krīzen* "кричать, вопить", др.-исл. *krytja* "ворчать, брюзжать"; ср.-в.-нем. *krīschen*, ср.-н.-нем. *krūschen* "визжать"; др.-в.-нем. *kichazzan* "хихикать", др.-в.-нем. *kachazzen* "смеяться" и т.п.), которые – с исторической точки зрения – не имеют никакого отношения к перестроению аблаута и для которых, естественно, невозможно реконструировать и.-е. праформы. На этом основании Я. де Фрис делает вывод, что отклонения в рядах аблаута касаются лишь отдельных групп языков (германских и, возможно, итальянских) и не относятся к языку-основе. Между тем, в книге П. Перссона (и в словаре Ю. Покорного) убедительно продемонстрировано, что рефлексy корней типа *streg-/streig-* засвидетельствованы в индоиранских, итальянских, греческом, германских и балто-славянских языках. Таким образом, следует различать сравнительно "молодые" звукоизобразительные образования, в которых смена гласных по модели германских перегласовок является псевдоаблаутом и носит символический характер, и "подлинный" аномальный аблаут, который может быть обусловлен различными причинами (прежде всего расширением корня), в том числе, и звуко-символизмом. Многочисленные примеры первого типа перегласовок представлены в работах Э. Зеболда [Seebold 1997] и Г. Марчанда [Marchand 1958: 274–277]: англ. *datter/dutter*; *chip/chap/chop*; *tush/tosh*; *pudge/podge* и т.п. Такие "чередования" обусловлены, по-видимому, выравниванием по аналогии. Гласные чередуются в них по аналогии с герм. *er: ur/or* или *el: ul/ol* (< и.-е. аблаута типа *er – or – r*) в тех случаях, где никакой сонорной нет (ср., например, ряд **resk-/rask-/rusk-* "тростник": англ. *rush* "тростник", др.-англ. *resce*, *risc*, англ. диал. *resh*, *rish* [Hoad 1992: 411]) или др.-в.-нем. *mag – tigan* "мочь". Такие образования не обязательно обусловлены звуко-символическими факторами (ср. *tigan – mag*).

Наконец, следует упомянуть еще одну возможность объяснения аномальных чередований, особенно таких, которые не всегда соответствуют господствующим представлениям о фонеморфологических особенностях и.-е. корня в свете ларингальной теории. Речь идет о языке-субстрате. Ярким образчиком такого рода толкований аномальных чередований в и.-е. корне является, например, статья Р. Дерксена [Derksen 2001], посвященная уже упомянутому корню **roib-/remb-* "рябой", который рассмотрен в статье О.Н. Трубачева [Трубачев 1996]. Учитывая аномальное чередование *reb-/reub-* и наличие префикса *e-* в этом корне, Р. Дерксен считает, что данный корень заимствован из языка-субстрата.

Таким образом, аномальный аблаут в германских языках может быть обусловлен либо определенным способом расширения и.-е. корня, либо звуковой символикой, либо действием аналогии. Что касается языка-субстрата, то здесь следует избегать двух крайностей. С одной стороны, давно назрела необходимость пересмотреть скептическое отношение к "теории субстрата" (см., например, комментарии М.М. Гухман к книге Э. Прокоша "Сравнительная грамматика германских языков" [Прокош 1954]), возникшее в отечественном языкознании после "дискуссии 1950 года" (известно, что Сталин крайне отрицательно высказался по поводу "смещения языков"). С другой стороны, было бы некорректным и малопродуктивным объяснять все формы, не укладывающиеся в привычные представления об и.-е. вокализме, влиянием языка-субстрата. Более плодотворным было бы приведение ларингальной теории в соответствие с вновь открывшимися фактами.

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод: каковыми бы ни были механизм и причины возникновения аномального аблаута, это явление должно постоянно учитываться при осуществлении этимологического анализа лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Варбот 1974 – Ж.Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология. М., 1974.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Журавлев 1981 – А.Ф. Журавлев. К этимологии слав. *skoty* // Этимология. М., 1981.
- Левицкий 1994 – В.В. Левицкий. Фонетическая мотивированность слова // ВЯ. 1994. № 1.
- Левицкий 2001 – В.В. Левицкий. Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // ВЯ. 2001. № 4.
- Левицкий 2003 – В.В. Левицкий. Индоевропейские корни **sep(h)ə-isp(h)ē-*, **erə-irē-*, **elə-llē-* "резать, связывать, гнуть" и их дериваты в германских языках // ВЯ. 2003. № 1.
- Мельничук 1979 – А.С. Мельничук. О генезисе индоевропейского вокализма // ВЯ. 1979. № 5, 6.
- Прокош 1954 – Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Таранец 1992 – В.Г. Таранец. Происхождение понятия числа и его языковой реализации (к истокам индоевропейского праязыка). Одесса, 1992.
- Топоров 1960 – В.Н. Топоров. Из праславянской этимологии. РYBA // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. I. М., 1960.
- Трубачев 1957 – О.Н. Трубачев. Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания. 2. М., 1957.
- Трубачев 1974–2000 – О.Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–27. М., 1974–2000.
- Трубачев 1996 – О.Н. Трубачев. О рябчике, куропатке и других лингвистических свидетельствах славянской прародине // ВЯ. 1996. № 6.
- Фортунатов 1956 – Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
- Bammesberger 1990 – A. Bammesberger. Lateinisch *fnis* und urgermanisch **baina-* // Historische Sprachforschung. 1990. Bd. 103.
- Benveniste 1935 – E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris, 1935.
- Derksen 2001 – R. Derksen. Old Icelandic *jarpi* "hazel-grouse", *rjupa* "ptarmigan" and their Germanic and Balto-Slavic cognates // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2001. Bd. 54.
- Gąsiorowski 1998 – P. Gąsiorowski. Strange ablauts and neglected sound changes in PIE // IF. 1998. 103.
- Griepentrog 1995 – W. Griepentrog. Die Wurzelnomina des Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995.
- Hamp 1984 – E.P. Hamp. Indo-European "bone" reconsidered // KZ. 1984. 97.
- Hamp 1985 – E.P. Hamp. German *Bein*, Old English *bān*, Slavic *koští* // North-Western European language evolution. 1985. 6.
- Hirt 1898 – H. Hirt. Zur Lösung der Gutturalfrage im Indogermanischen // Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. 1898. 24.
- Hoad 1992 – T.F. Hoad. The concise Oxford dictionary of English etymology. Oxford. 1992.

- Holthausen 1934 – *F Holthausen* Altenglisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1934
- Jespersen 1933 – *O Jespersen* Symbolic value of the vowel *i* // *Linguistica* Copenhagen; London, 1933
- Kluge 1989 – *F Kluge* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 22. Auflage / Unter Mithilfe von M Burgisser und B Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold Berlin, New York, 1989
- Kuhn 1954 – *H Kuhn* Ablaut, a und Altertumskunde // *KZ* 1954 71
- Lloyd, Springer 1988 – *A Lloyd, O Springer* Etymologisches Wörterbuch des Alt-hochdeutschen Gottingen, Zurich, 1988 Bd 1
- Louden 2000 – *M Louden* Umlaut, Ablaut, and phonetic symbolism in German // *General linguistics*, 2000. V. 37 № 1
- Luhr 1988 – *R Luhr* Expressivität und Lautgesetz im Germanischen. Heidelberg, 1988.
- Marchand 1958 – *H Marchand* Phonetic symbolism in English word-formation // *IF* 1958 64.
- Markey 1983 – *T L Markey* Gmc **baina-* "bone" and other monstrosities // *North-Western European language evolution* 1983 2
- Meillet 1925 – *A Meillet* Les origines du vocabulaire slave Le probleme de l'unité balto-slave // *Revue des études slaves* Paris, 1925 5
- Mottausch 2000 – *K-H Mottausch* Die Vorgeschichte des Indogermanischen Vokalsystems // *IF* 2000 105
- Müller 1926 – *F M Müller* Altitalisches Wörterbuch Göttingen, 1926
- Newman 1933 – *S S Newman* Further experiments in phonetic symbolism // *American Journal of Psychology*, 1933 45
- Orr 1944 – *J Orr* On some sound values in English // *The British journal of psychology* 1944 V. 35 № 1
- Persson 1912 – *P Persson* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Tl 1–2 Uppsala, Leipzig, 1912.
- Petersson 1908 – *H Petersson* Etymologien // *IF*, 1908/1909 23
- Pokorny 1959 – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, München, 1959
- Ritter 1975 – *R-P Ritter* Slavisch *žъъо-* "Dachs" // *Sprache*, 1975. 21
- Sapir 1929 – *E A Sapir* Study in phonetic symbolism // *Journal of experimental psychology* 1929 2
- Seebold 1997 – *E Seebold* Zapfen, Zipfel, Zopf, zupfen und die "mots populaires" in den germanischen Sprachen // *Historische Sprachforschung* 1997 110. 1
- Seebold 1999 – *E Seebold* Die Eiche // *Studia Celtica et Indogermanica* Festschrift für Wolfgang Meid zum 70. Geburtstag / Hrsg. von P. Anreiter und E. Jerem. Budapest, 1999.
- Torp 1909 – *A Torp* Wortschatz der germanischen Sprachheit / Unter Mitwirkung von H Falk. Göttingen, 1909
- Vries 1958 – *J Vries* Vokalvariation im Germanischen // *PBB*, 1958 80
- Vries 1962 – *J Vries* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962
- Walde, Hofmann 1938 – *A Walde, J B Hofmann* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938